

СЬЮЗЕН ДЖИ
ХЕЙНО

*Страсть
и притворство*

РОМАН

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111(73)

ББК 84 (7Coe)

X35

Серия «Очарование» основана в 1996 году

Susan Gee Heino

PASSION AND PRETENSE

Перевод с английского *Т.Н. Замиловой*

Компьютерный дизайн *Г.В. Смирновой*

Печатается с разрешения издательства

The Berkley Publishing Group, a member of Penguin Group (USA) Inc.
и литературного агентства Andrew Nurnberg.

Хейно, Сьюзен Джи.

X35 Страсть и притворство : роман / Сьюзен Джи Хейно ; [пер. с англ. Т. Н. Замиловой]. — Москва : Издательство АСТ, 2015. — 352 с. — (Очарование).

ISBN 978-5-17-090391-7

Пенелопа Раствур мечтает об одном: стать археологом и отправиться в Египет. Но вот беда, властный старший брат видит ее прежде всего добродетельной супругой, матерью и, конечно, настоящей леди. Тогда Пенелопа пускается на хитрость и обручается с самым беспутным повесой лондонского света лордом Гаррисом Честертоном. Идея проста: озадаченный брат должен предоставить ей свободу.

Сама того не желая, Пенелопа делает первый шаг на пути к жизни, полной неистовых страстей и увлекательных приключений. Ведь жених не просто втайне влюблен в нее до безумия, но еще и умудрился обзавестись опасными врагами...

УДК 821.111(73)

ББК 84 (7Coe)

© Susan Gee Heino, 2012

© Перевод. Т.Н. Замилова, 2012

© Издание на русском языке AST Publishers,
2015

ISBN 978-5-17-090391-7

Глава 1

*Лондон, Англия
Май 1820 года*

От сияния свечей исходил восхитительный свет, и Пенелопа знала, что ее платье самое красивое в зале. Еще она знала, что это не случайность. Ее брат не жалел никаких средств в стремлении выдать сестру замуж. Но польза от его стараний состояла в том, что купленное им платье было такого же голубого цвета, как ее ожерелье. А ожерелье Пенелопе действительно нравилось.

Она приложила к нему ладонь, наслаждаясь теплом золота и гладкостью камней, составлявших плотное тело жука. Не просто жука, а скарабея. Этот амулет был сотворен руками египтян много веков назад. Она отдала за него кругленькую сумму, и, неудивительно, что Энтони ворчал, узнав, куда ушли все ее карманные деньги. Но ее это не волновало. Это украшение являлось гордостью ее коллекции.

Пенелопа надеялась, что если в нем и сохранились колдовские силы, то эти силы отвядят женихов, навязываемых ей братом. Но, как оказалось, власть Энтони превышала возможности священного насекомого. Ухажеры не отходили от нее весь вечер. Жаль только, что ни один из них ее не устраивал.

И избавиться от них было почти невозможно. Но Пенелопе все же это удалось. Для чего потребовалось лишь со-

гласиться простоять с Паддлстоном Бланком весь контрданс, пропуская перед собой четырнадцать пар, после чего наконец смогла объявить, что устала, и отправить простака за лимонадом. Теперь, оставшись одна, она должна была срочно придумать, как исчезнуть, иначе, когда Паддлстон вернется, от него уже не отделаться. Если только не появится матушка и не отпугнет его излишним любопытством. Но матушка вряд ли станет это делать. Она считала Паддлстона хорошим уловом.

Боже, лучшего времени для принятия решения не придумаешь. Пенелопа не стремилась поймать кого-либо вроде мистера Бланка ни случайно, ни намеренно. Ее привлекали занятия совсем другого плана, для чего требовалось лишь разрешение матери и изрядная сумма из средств брата. Но пока и одно, и другое оставалось вне пределов ее досягаемости.

Нельзя сказать, что у нее не было никакого более или менее внушающего доверия плана. План имелся. Она придумала его сегодня пополудни. План был достаточно экстравагантным. Даже рискованным. Отважится ли она воплотить его в жизнь?

Пенелопа нервно окинула взглядом бальный зал лорда Берлингтона. Все как обычно; никого из посторонних. Решись она осуществить свой план, ни один из присутствующих мужчин не подошел бы для его претворения в жизнь. У дальней стены Пенелопа заметила молодых женщин с компаньонками. Это были простые девушки без связей или с жалким приданым.

В их число входила и ее подруга Мария Брэдли. Она выглядела несчастной. Пенелопа многое дала бы, чтобы оказаться рядом с ней среди одиноких женщин. О, если бы они с Марией могли поменяться местами. Что за насмешка судьбы сунуть Пенелопу в это красивое платье и окружить воздыхателями, в то время как любая из этих женщин предпочла бы оказаться на ее месте.

Однако не судьба сделала с ней это. А Энтони. Если бы только он мог внять голосу разума! Она не хотела замуж, но хотела отправиться в Египет и заняться раскопкой мумий.

Разве двадцатитрехлетняя женщина не может об этом мечтать? Вероятно, не может, потому что обоим, ее мать и брата, едва не хватил удар при одном упоминании об этом.

Именно поэтому она попыталась успокоить их, обьявив о своей мечте отправиться туда, чтобы познакомиться с хорошо известным египтологом, профессором Олдемом. Они обменялись несколькими письмами, и она нашла его потрясающим. Он был зрелый, уважаемый человек, и она находилась бы там на попечении друзей семьи, которые планировали отправиться туда в скором времени. Как могли ее родные этому противиться?

Но матушка схватилась за нюхательные соли, а Энтони сказал, что предпочтет сгореть в аду, чем позволит сестре замарать имя семьи — замарать грязью, как он выразился, — сорвавшись в Египет вслед за каким-то охотником за сокровищами. Как будто ее переписка с профессором Олдемом выходила за рамки интеллектуальной! Она подписывала письма ему псевдонимом.

Все же Энтони велел ей прекратить общение с этим человеком и даже отобрал писчую бумагу. Но было ли это правомерным?

Если бы только Энтони мог ее выслушать! Неужели он не понимает, что, отправив ее в Египет, сделал бы ее более ответственной и более уважаемой? У нее появилась бы цель. Она встречалась бы с образованными людьми и посвящала свое время благородным, научным занятиям. Чем дольше она будет болтаться в Лондоне без дела, как какая-то безмозглая кукла, тем более несчастной и неуправляемой будет становиться. И никакой муж не сможет это исправить.

Если бы имелось какое-то промежуточное звено между бессмысленным светским времяпрепровождением и браком. Что-то, что освободило бы ее от опеки Энтони, не привязав ни к кому другому. Но что это могло быть?

И Пенелопа нашла единственное реальное решение: помолвку. И проверила его на практике. Четыре раза. В надежде, что получит относительную свободу действий и как обреченная женщина сможет сделать самостоятельный выбор

или преследовать собственные цели. Но каждый раз ее свобода ограничивалась в еще большей степени. Теперь же Энтони непременно догадается, что следующая помолвка — всего лишь предлог ускользнуть из-под его крыла. Если она вновь рискнет прибегнуть все к тому же средству, Энтони непременно раскроет ее обман и потащит к алтарю с тем олухом, которого она выберет, чтобы уже ничего не могла изменить. Но такой поворот событий ей мало чем поможет.

Вот если бы Энтони не догадался, что она блефует. В этом и состоял ее план. Он давно завладел ее мыслями и не шел из головы при всей своей абсурдной нелепости. Все же она не могла не задаваться вопросом...

Если найдет жениха столь неприемлемого и предосудительного, не заставит ли братская забота Энтони вмешаться? Если он искренне поверит, что она хочет выйти замуж за человека столь возмутительного, не возникнет ли у него мысль разлучить ее с объектом ее обожания? Делая выбор между бракосочетанием любимой сестры с чудовищем и отправкой ее в Египет, может, Энтони все же предпочтет Египет. Она наверняка предпочла бы. Оставалось лишь все тщательно спланировать и выбрать подходящего кандидата для исполнения назначенной ему роли.

В этом-то и состояла загвоздка. Где, спрашивается, она найдет такого жениха? Столь отвратительного, чтобы даже Энтони воспротивился ее браку с ним. С другой стороны, он должен был обладать чем-то таким, что могло бы убедить брата в ее искренних чувствах к жениху. Иначе ничего не выйдет, если Энтони не поверит, что жених ей нужен.

Что же должен представлять собой этот желанный и в то же время отталкивающий субъект? Естественно, что в том тесном сером кругу, в котором держали ее матушка и брат, подходящих кандидатов она не находила. Хотя, возможно, у ее невестки Джулии есть на примете кто-то...

Размышления Пенелопы прервал шум.

Из-за скопления людей в зале она не видела, что происходит, но хорошо слышала шум. Проклятие, если бы она

была хоть чуточку выше! Наконец-то произошло что-то интересное, а она не видит, что именно.

Пенелопа стала протискиваться сквозь толпу. Не могла же она лишиться себя удовольствия поглазеть на событие, которое могло стать ее единственным развлечением за весь бальный сезон.

Вокруг нее возмущенно перешептывались, но из обрывков разговоров она не могла уловить сути происходящего. Однако до нее уже начал доходить смысл отдельных слов, произнесенных громким мужским голосом, выделявшимся на фоне всеобщего гула. Ситуация становилась все интереснее и интереснее. Пенелопа нырнула под необъятную грудь леди Давенфорт и протиснулась мимо внушительного живота сэра Дугласа Макклинти. Никто не обращал на нее внимания, и она продолжала медленно пробираться к передней части зала. С матушкой непременно случился бы припадок. Но она пока ее не видела, значит, можно было глазеть сколько заблагорассудится.

— Это неприлично, сэр! — послышался возмущенный мужской голос.

— Да, мне это тоже представляется несколько необычным, — ответил другой.

Это был глубокий голос, такого тембра и окраски, что Пенелопа непременно узнала бы его, услышь она этот голос снова. Она в этом не сомневалась. Это был хороший голос, теплый, радостный и уверенный. Она с легкостью представила себе, что его владелец, произнося эти слова, улыбается. И в глазах его пляшут озорные искорки.

Еще она могла допустить, что человек этот был подвыпившим.

— Но, сэр! Ваша ладонь лежала на э-э... руке моей жены! — вознегодовал первый голос.

— Нет, сэр, — поправил его второй. — Моя ладонь лежала на э-э... груди вашей жены.

Толпа ахнула. Кто-то, вероятно, тот, кто негодовал, задохнулся. Обладатель теплого веселого голоса ничего не сказал, хотя вокруг разразился настоящий скандал. Пене-

лопа решила, что должна обязательно взглянуть на этого человека.

Заметив у соседней стены стул, она, приподняв подол юбки, устремилась к нему. Наверняка в подобной сумятице никто не обратит внимания на вставшую на стул женщину с белокурыми локонами. Пенелопа взобралась на сиденье и схватилась для устойчивости за папоротник, надежно распятый — как она надеялась — на гипсовой колонне.

О, теперь она увидела мужчин. И в одном без труда узнала хозяина дома, лорда Берлингтона. Выглядел он, как обычно: красный, толстомордый и возмущенный. Второй оказался совсем иным. Пенелопа с удивлением затаила дыхание.

При всей культурности речи и теплоте тона вид мужчины совсем не соответствовал его голосу. Она ожидала увидеть человека энергичного и лихого, который живет своим умом и среди прочего получает удовольствие от интеллектуальных разговоров. Человека, знающего толк в тонких спиртных напитках и свысока взирающего на тех, кто ниже его по положению. Денди, который привык к восхищению и чьего расположения добиваются. Таким он представлялся ей, если судить по его голосу.

Но то, что предстало глазам Пенелопы, отнюдь не совпадало с ее представлением.

Господи, это был настоящий бродяга! Неопрятный, нечесаный, с засохшей грязью в волосах и на бакенбардах и многодневной щетиной на лице. А его одежда и вовсе пребывала в бедственном состоянии. Даже если бы он оделся так, чтобы убирать из конюшен навоз или пахать землю, то и в этом случае казалось бы, что явно перестарался с выбором. Его вид внушал ужас и отвращение!

Тут он тоже ее заметил. Их взгляды встретились, и Пенелопа для устойчивости схватилась за папоротник. Он улыбнулся, и она почувствовала, как стул под ее ногами поехал.

— Если вы дадите мне сказать, Берлингтон, — обратился мужчина к пылающему от гнева собеседнику, не отрывая глаз от Пенелопы. — Я пытался объяснить вам, что вы сделали поспешный вывод относительно своей жены. Я вхо-

дил в комнату, когда она выходила, и мы просто столкнулись. Вот и все.

— Но вы находились с ней наедине. Ваши руки лежали на ее... Не думайте, что я не слышан о вашей репутации, сэръ.

— Да, да. Я знаю, что все слышаны о моей репутации. И этого уже не изменишь. Не так ли? Но уверяю вас, что в данном случае я не виноват.

— Мне следовало бы вызвать вас на дуэль! — продолжал бушевать хозяин дома.

— Что ж, полагаю, я бы мог застрелить вас на дуэли чести, если настаиваете, но, откровенно говоря, мне бы этого не хотелось. У меня и без того в голове будет утром звенеть.

В ответ на что толпа рассмеялась. А лицо негодующего Берлингтона еще сильнее покраснело. Похоже, он понял, что исчерпал причины для возмущения, но, очевидно, не исчерпал пыл продолжать ссору. Нервно оглядевшись по сторонам, он ограничился усмешкой, сквозившей разочарованием.

— Поскольку мою жену весьма огорчает сама мысль о дуэли, на этот раз я вас отпускаю.

— Ах, Берлингтон, как это мило с вашей стороны.

— Но берегитесь, сударь. И лучше займитесь тем, для чего ваш дядюшка прислал вас в город. Найдите себе жену и оставьте всех в покое.

Оборванец на это лишь улыбнулся уголком рта.

— Как это предусмотрительно со стороны моего дядюшки оповещать весь Лондон о моих достижениях.

— Если бы ваши достижения не порождали скандалы и бесчестье на каждом шагу, никому в Лондоне не было бы до этого и дела. Следите за собой, лорд Гарри, если только в ваши планы и вправду не входит прожить достаточно долго, чтобы получить титул, который в один прекрасный день будет вынужден оставить вам ваш несчастный брат.

— Только не нужно вмешивать сюда моего брата, Берлингтон.

— Почему? Или вам стыдно иметь в семье дурачка, сэр? И вы ждете не дождетесь, когда его брэнное тело закончит свой земной путь, чтобы самому наконец завладеть титулом?

На мгновение показалось, что сейчас произойдет взрыв. Бродяга как будто стал выше ростом, его плечи напряглись, а лицо приняло суровое и холодное выражение. Даже на расстоянии Пенелопа видела по его глазам, что внутри у него что-то происходит. Но потом все пропало; он вновь стал спокойным и насмешливым.

— О, этот проклятый титул, — заметил он. — Знаете, что я вам скажу, Берлингтон, на свете полно других вещей, которыми я бы хотел завладеть.

Его взгляд вновь упал на Пенелопу, и на миг ей почудилось, будто она поняла его намек и не испытала возмущения.

— Но скажу и другое, — продолжил он, поворачиваясь к своему ворчливому оппоненту, — ваша жена к их числу не относится.

С этими словами человек кивнул всем тем, кто все еще следил за перебранкой, и отдельно — Пенелопе, и откланялся. Решительно повернувшись, он покинул собрание. Пенелопа с такой силой стиснула папоротник, что в ее ладони остались маленькие зеленые листочки. Проклятый стул снова заскользил.

— Пенелопа!

Визгливый возглас принадлежал ее матери. Пенелопа вздрогнула и едва не упала со своего сомнительного наместа. Что за невезение! Надо же было матушке появиться именно сейчас и увидеть ее в таком положении.

— О, здравствуй, мамочка, — произнесла она, как будто стоять на стуле в роскошном бальном зале было в порядке вещей. — Мне показалось, что я увидела мышь.

— Скорее крысу, — поправила ее мать, глядя недовольно в том направлении, в котором скрылся оборванец. — Не обращай внимания на этого человека, Пенелопа. Гаррис Честертон может унаследовать титул и состояние маркиза Хептона, но едва ли впишется в благородное общество. А ты

взобралась на стул и тарашисься. В самом деле, Пенелопа, о чем только ты думаешь?

В самом деле? Похоже, она только что нашла идеально-го жениха.

Гаррис Честертон, хоть и уходил из дома лорда Берлингтона с пустыми руками, не мог не улыбаться. По правде говоря, он не получил того, за чем приходил, и его застали там, где не должен был находиться, и чуть не нарвался на дуэль с этим придурком Берлингтоном, не говоря уже о том, чего натерпелся от этой леди Берлингтон, сующей повсюду свой нос. Все же ночь прошла не напрасно. Он увидел нечто, что изменило его жизнь: девушку, которая стояла на стуле. Да, он видел ее довольно отчетливо, и, хотя не мог точно вспомнить, как она выглядела, кое-что на ней бросилось ему в глаза. Это был скарабей.

Скарабей Осириса. Он тотчас узнал его. Он держал его в руках, помнил гладкую поверхность золота, тщательно вырезанную форму насекомого, теплый янтарный шар у головы, сверкающий, как солнце. Это было красивое изделие. И оно было украдено.

Он знал это, потому что был тем, кто его похитил.

После того, конечно, как его первоначально украли из захоронения фараона. Он просто пытался вернуть вещицу вместе с другими сокровищами, похищенными с родины и привезенными сюда в Англию, где не имели права находиться.

Нет, он не возражал против законных действий людей науки и охраны природы, которые имели разрешение властей на проведение раскопок и сохранение предметов древности для мировой культуры. Он просто не мог смириться с массовым мародерством, совершаемым в одной стране для удовлетворения притязательных вкусов отдельных граждан в другой. Ярким примером чего и была та молодая женщина на стуле.

Одна из этих благовоспитанных невежд, жадных до золота и блестящих штучек, кому недосуг задуматься над значением, историей и вечной ценностью вещей, подоб-

ных скарабею. Несомненно, она хорошо опустошила чей-то карман, думая больше о том, что ляпис-лазурь крыльев скарабея восхитительно идет к ее глазам, чем о надеждах и мечтах его древних создателей.

Проклятие! Гаррису оставалось лишь пенять на себя. Каким же он был идиотом, что не сумел сохранить эти предметы в неприкосновенности! Всего нескольких дней не хватило ему, чтобы вернуть восстановленную коллекцию людям, которые просили — вернее, требовали, — чтобы ее вернули.

Но теперь, когда знал, где находится по крайней мере одно украшение, возможно, ему удастся отыскать и все остальное. Возможно, у него все же получится спасти сокровище. И возможно, это спасет его друга Олдема. Который был ему больше, чем друг.

Но для начала нужно будет найти эту женщину. Что, по его собственному признанию, представлялось ему не таким уж неприятным занятием. Раз уж так вышло, скарабей и впрямь чудесно подчеркивал голубизну ее глаз.

— Мы больше не станем терпеть этот египетский бред, — объявил Энтони, лорд Раstmур, заставив сестру замолчать, когда она попыталась возразить. — Это все, что я могу сделать — оставить тебя под присмотром здесь в Лондоне. Не хочу, чтобы ты отправлялась одна в чужую страну.

— Но я буду не одна, — отозвалась Пенелопа. — Я буду путешествовать с мистером и миссис Толлерсон. Они давнишние друзья нашей семьи и будут пристально за мной следить.

— Мистер и миссис Толлерсон не в состоянии следить даже за своими зубами. Они слишком старые, чтобы держать тебя на поводке, Пенелопа. Ты не станешь их слушаться. Вспомни, что случилось, когда я оставил тебя одну с матерью и ты едва не стала жертвой этого мерзкого Фицджералдера.

О, как же ему нравится постоянно вспоминать об этом. Постоянно извращая факты. Что за несправедливость!

— Это было пять лет назад, Энтони. Если помнишь, я держала под контролем ситуацию с Фицджералдом.

В ответ он лишь фыркнул.

— Как и с десятком других женихов после него, да?

— Трех. На самом деле я не собиралась обручаться ни с одним из них. Первый стал результатом недоразумения. Второй ввел меня в заблуждение. А третий... я не совсем поняла, что там произошло.

— С тобой вечно что-то происходит, одно недоразумение за другим.

— Но я в этом не виновата! Энтони, если бы ты хотя бы дал мне шанс...

— Нет. Если хочешь отправиться в Египет, дорогая сестренка, найди себе мужа. Пусть он везет тебя туда. Пусть он смотрит, чтобы ты не расшиблась о сфинкса и не утонула в том кавардаке, который способна устроить.

Она знала, что он говорит серьезно. Но как, спрашивается, найти ей мужа в этом море лондонского щегольства и английской пристойности, хоть в малейшей степени склонного отправиться в Египет? С авантюрными личностями она не общалась. Брат с матушкой следили, чтобы молодые люди, с которыми она встречалась, были невыносимо скучными и приличными.

Что ж, ладно. Если муж — необходимое условие поездки в Египет, она его найдет. По меньшей мере жениха.

И осуществит свой план. Она пыталась с утра еще раз прибегнуть к уговорам и слезам, но поскольку это не помогло, другого средства у нее не было. Энтони сам толкал ее на это.

Теперь оставалось лишь найти того ужасного господина со вчерашнего вечера. И утренняя почта помогла ей в этом. Дядя человека, лорд Недли Честертон, как выяснилось, устраивал бал в честь дня своего рождения. Пенелопа с матерью получили приглашения и, несомненно, примут их.

Наверняка племянник лорда — тот самый волосатый лорд Гарри, которого она видела накануне, — пожелает помочь дядюшке отпраздновать торжество, хоть он и бродяга. Хотелось только надеяться, что его не заставят побриться.

За внешней неопрятностью скрывались, как ей показалось, довольно привлекательные черты. Наверняка Энтони испытает к нему более сильную неприязнь, если ее потенциальный жених будет ходить обросшим.

Завтракая, Пенелопа улыбнулась брату:

— Очень хорошо, Энтони. Твое слово — закон. Полагаю, добавить больше нечего.

— Нечего.

Глупышка Энтони. Он и вправду уверовал в свою правоту.

Глава 2

Проклятие, похоже, Пенелопа напрасно старалась — шила новое бальное платье, укладывала волосы в изысканную прическу и щипала щеки для придания румянца. Бал лорда Недли был в самом разгаре, а его косматый племянник пока не объявлялся. Какая досада. Как можно обручиться с человеком, который не соизволил появиться, чтобы с ней познакомиться?

— Пенелопа, ты не можешь взглянуть на меня? — попросила ее подруга Мария, с которой они стояли у дальней стены, где небольшое возвышение в две ступеньки давало им преимущество обозревать толпу.

— Нет, боюсь, что не могу, — призналась Пенелопа.

— Тогда скажи, кого ты ищешь, чтобы я могла тебе помочь, или я лучше сяду. От твоей вертящейся во все стороны головы моя собственная уже кружится.

— Вот досада! — топнула ногой Пенелопа, поворачиваясь к подруге. — Я теряю время. Очевидно, его нет.

Одна из бровей Марии поползла вверх, и она улыбнулась:

— Его?

— Конечно, «его». Я же не могу обручиться с «ней», верно?

— Ты? — Мария удивленно вскинула бровь. — Знаешь, Пенелопа, меня бы не удивили никакие твои поступ-

ки в стремлении обручиться. Но, если серьезно, ты ведь не встретила джентльмена, в которого по-настоящему влюбилась, правда? Иначе я бы знала, да?

— Потому что все случилось только что. — Пенелопа вновь стала оглядывать толпу. — Что за проклятие! Я так надеялась, что он будет здесь.

— Кто? Бога ради, ты должна сказать мне, кто он!

Пенелопа, размышляя, уставилась на подругу. Можно ли ей довериться? Довериться ей, конечно, можно, но стоит ли? Стоит ли перекладывать это на Марию и ожидать от нее сотрудничества в выполнении столь предосудительно-го плана?

С другой стороны, а для чего еще нужны подруги?

— Племянник лорда Недли, лорд Гарри.

Ага, Пенелопе все же удалось удивить подругу. Мария раскрыла рот.

— Ты хочешь выйти замуж за Гарриса Честертона?

Пенелопа шикнула на нее и схватила за руку. Судя по тому, что Мария вдруг побледнела, и отсутствующему выражению лица, она была близка к обмороку.

— Конечно, нет. Ты же знаешь, что в настоящий момент я ни за кого не хочу замуж, но мне хотелось бы с ним обручиться.

— О, какое облегчение, — произнесла Мария, но выражение ее лица свидетельствовало об обратном.

— Послушай. Все идеально сходится. Энтони решит, что лорд Гаррис совершенно мне не подходит, а я разыграю влюбленность. Тогда Энтони, повинувшись братскому долгу, отправит меня куда подальше, чтобы нас разлучить.

— Да, конечно, я понимаю, в чем суть твоего плана.

Мария продолжала хмуриться.

— А куда еще можно меня отправить, как не с Толлерсонами в Египет? Они уезжают уже через несколько недель. Энтони объявил, что не отпустит меня с ними, так что я намерена заставить его во что бы то ни стало отправить меня с ними.

— А Гаррис Честертон согласен участвовать в этом плане?